

в этом фильме впервые появляются на экране Рэммо и Фернандель. В 1934 году 50-летний драматург и актер почти против своей воли все-таки становится кинематографом, и с этого момента девятая муза поглотит его без остатка. "С первого дня моего прихода в кино я полюбил его, потому что здесь все нужно делать идеально с первого раза, ибо раз сделанное остается навсегда. Это именно то, что мне нужно, потому что я не умею делать иначе, как отдавая всю душу".

Театр Гитри мгновенно распространился по всей Европе. Кино оказалось еще притче: англичане и американцы начали экранизировать пьесы Гитри гораздо раньше его соотечественников. В 1924 году американская кинокомпания Warner адаптировала "Дебюро" под названием "Любовник Камиллы"; в 1930 вышел британский фильм "Партнеры по сну", адаптация пьесы "Помечтаем"; много позже, в 1940 году RKO выпустила американский римейк фильма "Желаю удачи!" в постановке Льюиса Майлстоуна с Джинджер Роджерс в главной роли. Но сам Гитри никогда не соглашался уехать в Голливуд — "это не мой стиль!"

Во время работы над первыми фильмами он пользовался услугами технических консультантов, потому что маэстро "ни черта не понимает в этой машинерии", но за исключением "Жемчугов в короне", которые он поставил совместно с Кристиан-Жаком (1937, с Арлетти в главной роли), всю художественную часть работы Гитри оставляет за собой. Очень быстро кино очаровывает его, и он по-ребячески непосредственно делится своими впечатлениями с публикой. Его титры и заставки до сих пор смотрятся великолепно: они рассказаны, поставлены, сыграны — настоящие документы о том, как снимался фильм.

Кинонаследие Гитри условно можно разбить на четыре большие главы: блестящие довоенные комедии нравов; окрашенные горечью и меланхолией работы времен оккупации и первых послевоенных лет; черные комедии начала 50-х годов; и, наконец, гранд-спектакли на историческую тематику, которые он снял в конце жизни.

Особенность кинематографа Гитри в том, что он сочиняет образ, отталкиваясь от слова. В формальном отношении маэстро действительно немного театрален: чурается крупных планов, панорамных съемок, трэвеллингов. Но смелость его не знает границ; закадровый голос (его первый шедевр, "Роман мошенника" почти целиком рассказан из-за кадра); поразительные переосмысления увиденного, щедрый визуальный ряд. В "Дай мне твои глаза", например, одна сцена целиком отснята на темной улице: Гитри снимает ореолы уличных фонарей, пятна света от карманных фонариков, в которых зритель видит ноги героев, в то время как за кадром звучит великолепный любовный диалог. Вкупе с известием о том, что герой, которого играет Гитри, скоро потеряет зрение, эта сцена потрясает и сегодня.

Гитри мог сам с собой заключить пари, в том числе и самое безрассудное. Мишель Симон славился своими заявлениями о том, что может хорошо сыграть только в первом дубле; и Гитри снял с ним "Отраву" без единого повторения сцен перед камерой. Ему потребовалось всего одиннадцать дней, чтобы сделать этот фильм. Именно тогда он (одним из первых в истории кино) начал снимать сцены двумя камерами сразу. Поэтому утверждение его поклонников, что "не Гитри научился делать кино, а кино научилось делать как Гитри", не кажется совсем голословным.

Но все-таки первым и главным инструментом работы мэтра было слово, и здесь он не знал себе равных. Лаконичность, язвительность, пронзительность его острот, умение жонглировать словами, концентрировать иронию на кончике пера и языка не раз восхищала его друзей и приводила в ярость недругов.

Вот краткая подборка высказываний Саши Гитри.

В годы оккупации, когда немецкие войска тчетно готовились к переходу через Ламанш, во время некоего торжества, на которое был приглашен Гитри, один из гостей никак не мог натянуть мундир. "Что, полковник, трудное это дело — рукав?" - невинно осведомился комедиант на глазах у всей верхушки немецкого командования (рукав по-французски la manche).

Когда "Роман о любви и приключениях" появился в прокате, Гитри спросили, как он его находит. "Я не нахожу его, он испарился, к моему великому счастью..."

Высказывание по поводу немецкой оккупации: "Уж если мы не в состоянии их выставить, то, по крайней мере, можем им вставить!"

Отрывок из "Отравы": прокурор: "Убивать — это отвратительно!"; адвокат: "Но с этого живет столько народу!"

Саша Гитри — Лана Маркони, своей последней жене: "Дорогая, вы станете моей вдовой".

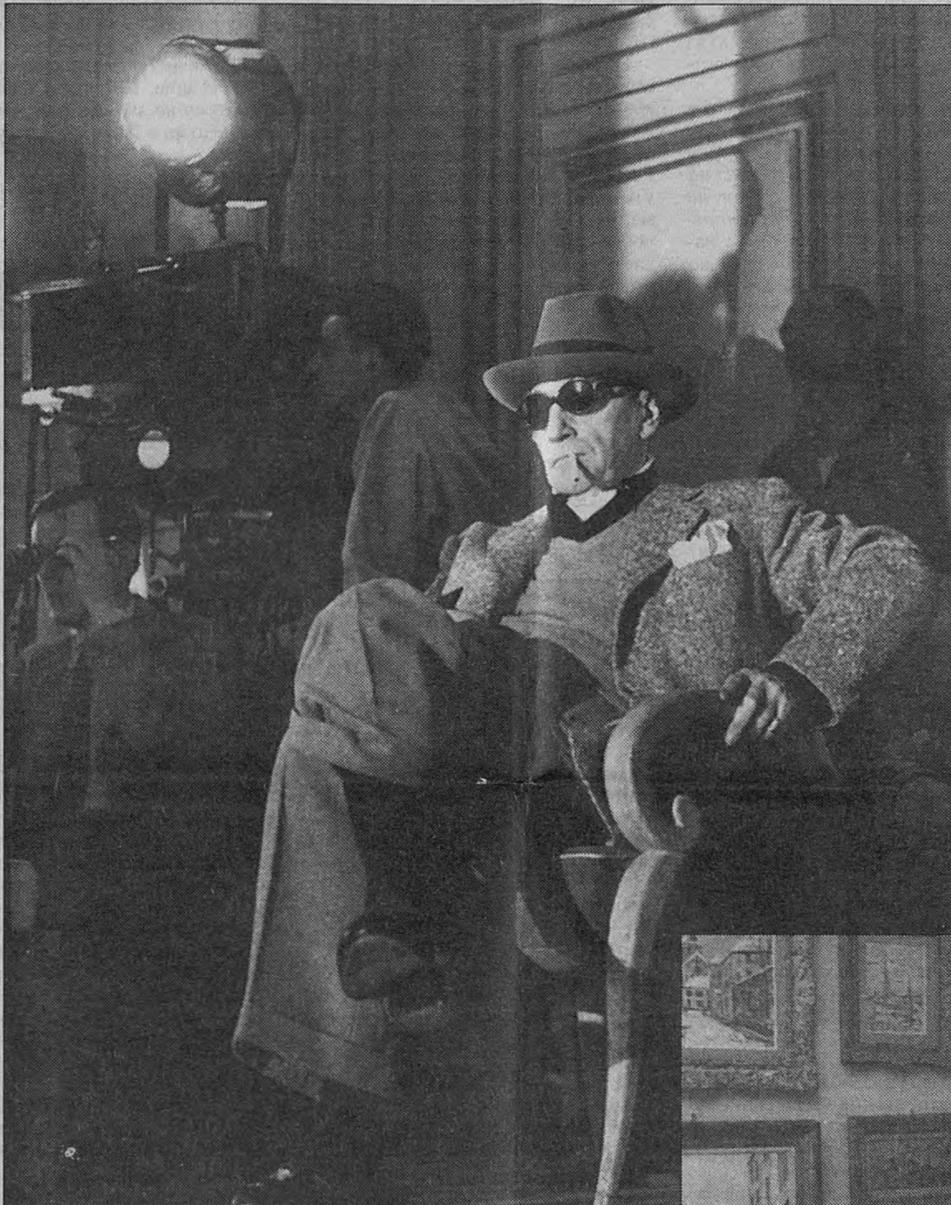
Женщины — особая глава в жизни человека, который неизменно их любил, но

почти никогда не делал счастливыми. Они чаще всего отвечали ему тем же. Однажды Гитри обвинили в том, что его произведения направлены против женщин; он ответил: "Да, я против, я так против, что даже напротив".

Первой женщиной в его жизни была мать Рене де Пон-Жест, с которой он почти не разговаривал, посвятив себя культу отца. Она, тем не менее, тоже была актрисой — первой женщиной-актрисой в жизни Саши. Второй была мадам Фейдо, супруга великого Жоржа Фейдо, в которую Саша безумно влюбился в 13-летнем возрасте. Впрочем, в то же время он попытался соблазнить танцовщицу из Мулен-Ружа (опять сцена!), хотя, по собственному признанию, потерял невинность в 15 лет на отдыхе в объятиях соседки, практиковавшей древнейшее в мире ремесло. А затем он стал совершеннолетним и начал жениться на тех, кого любил, пять раз погуляв на своих свадьбах (без единых похорон). Его избранницы: Шарлотта Лизе (1907-1916), Ивонна Прентам (1919-

ней Бороды Женеви́ева де Серевилль (Саша особенно прельщала приставка "де" в ее фамилии). Тем не менее он называл ее просто Жинетт, и де Серевилль стала единственной женой Гитри, которая взяла его фамилию. Эта экс-мисс Синемонд снялась в пяти фильмах Гитри, в том числе в "Сказочной судьбе Дезире Клари" и "Дай мне твои глаза". Саша, который с возрастом стал смотреть на жизнь философски, старался не обращать внимания на многочисленные шалости Жинетт на любовном фронте, а после развода слегка шокировал друзей, предложив бывшей супруге ее удочерить. Даже в положении роконосца он ухитрялся быть великим и впоследствии сочинил об этом трагикомедию "Со мной это случилось три раза".

Последней женщиной в его жизни была Лана Маркони, православная румынка, с которой его познакомил Арлетти. Моложе мужа на 32 года, Лана помогла ему забыть о клейме коллаборациониста и стала звездой его последних постановок, хотя за ее неж-

На съемочной площадке

1934), Жаклин Делюбак (1935-39), Женеви́ева де Серевилль (1939-1944) и Лана Маркони (после 1949). 22-летний юнец женится в 1907 в первый раз и 64-летний "живой классик" идет под венец в пятый раз в 1949...

Все его жены были актрисами по призванию или по необходимости соответствовать положению. Шарлотта Лизе, которая была на пять лет старше Гитри, стала его Пигмалионом: она ввела его в парижский свет, всячески поощряла драматургические опыты Саши, поддерживала в трудные моменты. Они играли вместе на сцене, но ни разу — на экране. Вторая жена Сине́й Бороды, Ивонна Прентам, стала его первой Галатеей: он познакомился с ней в 1915 году, сделал ее звездой сцены, в 1919 году сыграл вместе с ней в "Романе о любви и приключениях" и в завершение женился.

В 1932 году Саша возобновил на сцене "Ноно", свой первый театральный успех, и пригласил на главную мужскую роль Пьера Фресне (женская, естественно, досталась Ивонне). Несколько месяцев спустя Ивонна и Пьер стали любовниками и вскоре сбежали, оставив Саша безутешным.

Впрочем, красавица Жаклин Делюбак сумела быстро его утешить. Когда они поженились, Саша заявил: "Мне пятьдесят, ей двадцать пять — идеальный возраст, чтобы быть моей половиной!"

Жаклин появилась в его жизни как раз тогда, когда Саша заболел кино, и за четыре года брака она сыграла в 12 его фильмах, в том числе и самых знаменитых ("Роман мошенника", "Помечтаем", "Дезире", "Жемчуга в короне"), но ее вытеснила из сердца Си-

ной красотой не скрывалось особого актерского таланта.

Бульварный Казанова и водевильный роконосец, Гитри так никогда и не понял загадки женской души. Он отделался от нее, как всегда, язвительным парадоксом: "Лгать женщинам нужно ради собственного удовольствия. Тогда, по крайней мере, останется иллюзия, что мы квиты".

Прежде чем облачиться в домашний халат и уединиться в доме на авеню Элизе-Реклю ("Elisee-Reclus" - "елисейские затворники!") среди коллекции произведений искусства и рукописей великих книг (Гюго, Ренар, Жорес, Лафонтен, Вольтер и др.), Саша прожил бурную жизнь. В молодости он был невероятным лодырем: его с позором выставили из дюжины учебных заведений, и он недоучился даже до шестого класса. Когда Саша не играл на сцене, он торчал в парижских заведениях с таким же бездельником, вышиб-

ленным изо всех школ — звали его Жан Кокто. Однако alter ego Гитри все-таки был его брат Жан, который в 1920 году погиб во время автомобильной катастрофы. В разделе, посвященном мелким порокам, отметим, что Саша дымил, как паровоз, и постоянно просаживал крупные суммы за игорным столом. Наконец, он настоятельно требовал, чтобы все сотрудники называли его мэтром, наставником, хотя вряд ли он их чему-то учил.

29 августа 1944 года группа борцов Сопротивления арестовала Гитри на пороге его дома. "Обвобожение? Первый раз слышу..." Из тюрьмы он вышел только в октябре и в течение трех лет не мог работать ни в кино, ни на сцене. Его обвинили в сотрудничестве с оккупантами, и хотя конечный приговор гласил "не участвовал", позорная слава фашистского прихвостня долго преследовала мэтра и наставника. Но вот парадокс: в то время как в официальных кругах о Гитри не сообщалось ничего, кроме гадостей, солдаты приходили навещать его в тюрьме, а герой Сопротивления полковник Реми и Тристан Бернар яростно защищали "трусливого коллаборациониста".

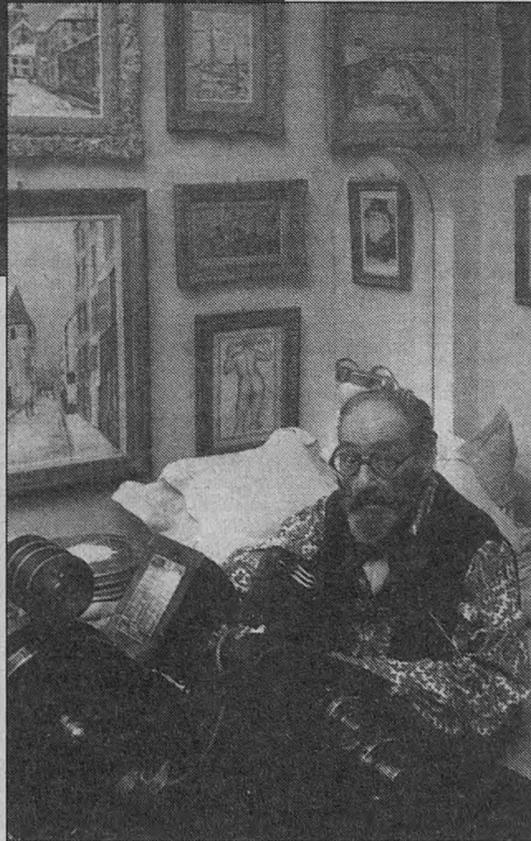
Дело в том, что Гитри никогда не разбирался в политике. Недоразумения начались еще во время Первой мировой войны: его признали негодным к воинской службе из-за ревматизма, однако недоброжелатели немедленно объявили Гитри трусом и предателем. Ему нечего было им ответить. Он признавал только Историю с большой буквы: парады при всех регалиях, коронованные особы, придворные интриги, великие личности. В деле Дрейфуса он был заодно с Золя, однако это не мешало ему пожимать руку Муссолини. Он был другом Леона Блюма, однако восхищался Петеном. Он всегда отказывался от "чести" поставить свои пьесы на родине фюрера, однако необходимость жить и работать во время оккупации вынуждала его общаться с "германцами". Его кредо: "Невозможно бросить только две профессии: актера и моряка", — а потому он всю жизнь в душе считал себя нейтральным. Гитри ненавидел буржуа и при этом всегда жил, как буржуа и всегда им считался. Коммунисты его ненавидели, коллаборационисты считали евреем. Он ничего не смыслил в национальном вопросе, однако когда его друг, еврей Тристан Бернар был арестован немецкой комендатурой, Саша Гитри пошел на прием к самому высокому немецкому начальству и — уникальный случай! — Бернара освободили. И тогда же из-

под пера Гитри вышла книга "От Жан-ны д'Арк до Петена", в которой он писал, что Вечная Франция преодолевает все временные противоречия.

Три года спустя после выхода из тюрьмы, 21 октября 1947 года он входит в зал театра "Плейель", где должен выступить и рассказать о своей точке зрения на случившееся с ним во время оккупации — под предлогом научной конференции. Театр набит битком, стоит гробовая тишина. Голосом священника Гитри начинает: "С первого же дня..." — и зал разражается единодушной овацией. Ему не дают говорить, люди стоя аплодируют человеку, который три года пребывал в опале, и на которого официальная пресса вылила тонны грязи. Его осмеивали, освистывали, клеймили позором — но публика, самый жестокий и самый искренний судья, сохранила верность своему кумиру.

Гитри на сцене. Этим сказано все.

Перевела с французского Елена ТЕЛИНГАТЕР.

Одна из последних фотографий